

РОМАН «ТИХИЙ ДОН» КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА (АЛГОРИТМЫ «ЖИЗНИ В ВЕКАХ»)

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 декабря 2022 г.

Аннотация: в исследовании, осуществленном с позиций синергетического подхода, роман «Тихий Дон» рассмотрен как феномен культуры и художественная система — в процессах структурно-смысловой самоорганизации и социально-эстетического функционирования отечественной литературной классики.

Ключевые слова: русская литературная классика, синергетический подход, художественная система, феномены самоорганизации, социально-эстетическое функционирование.

Abstract: in the article the novel “The Quiet Don” is analyzed as a phenomenon of culture and an artistic system from the synergetic point of view. The novel is examined through the process of structural and sense self organization and socio-aesthetic function.

Keywords: Russian literary classics, synergetic method, artistic system, phenomena of self organization, socio-aesthetic function.

Актуализация на современном этапе междисциплинарного вектора научного познания в стремлении к обобщенно-системному осмыслению предметной конкретики исследовательского поиска — диктует необходимость определения соответствующих методологических оснований. К наиболее значительным достижениям в философии науки рубежа XX–XXI столетий, открывающим новые перспективы познавательной деятельности, причисляются исследования общих методологических оснований различных областей познания; анализ возможностей преодоления «методологической пропасти» между естественнонаучным и гуманитарным знанием в логике неклассической рациональности, осознающей ценность разнообразия познавательных форм. С такой методологической позиции одним из показательных и продуктивных представляется *синергетический* подход [1].

Осмысление литературного процесса XX века в синергетическом аспекте — в качестве многослойной и многоуровневой, принципиально открытой, нелинейной, самоорганизующейся системы, — представляется результатом изучения сложной динамики взаимодействия разнонаправленных многофакторных процессов [2].

Обращение в русле указанного подхода к роману «Тихий Дон» как литературному явлению, феноменологически очерченному конкретным художественным текстом, безусловно, предполагает и контекстовый анализ. Рассмотрение романа «Тихий Дон» как художественной системы в различных видах эстетической реальности предполагает нахождение неких

общих системообразующих доминант текстового и контекстового плана. Как представляется, в роли определенной универсально-смысловой дефиниции, по-своему маркирующей такое системное начало, может предстать известное авторское высказывание на страницах самого романа: «Выметываясь из русла, разбивается жизнь на множество рукавов. Трудно предопределить, по какому устремит она свой вероломный и лукавый ход» [3, 291] (Здесь и далее подчеркнуто нами. — А. У.).

Здесь (казалось бы, достаточно неожиданно, но, на наш взгляд, по-своему оправданно) напрашиваются определенные аналогии с основными положениями теории самоорганизации сложных систем: о кризисных моментах «неравновесности» и неустойчивости в процессах системного развития, образующих бифуркационные «развилки дорог эволюции» [1].

Такого рода моменты в содержательно-смысловом плане по отношению к «Тихому Дону» представлены прежде всего исторической эпохой, художественно воплощенной в эстетической реальности текста романа. Судьбы российского социума на крутом повороте истории, разрушавшем «обычный, нерушимый порядок» жизни [3, 192] и открывавшем в деструктивном «беспорядке» самые различные (от губельно-тупиковых до обновляюще-созидательных) перспективы, — предстают в координатах *космоса/хаоса* — как взаимообусловленных состояний самоорганизации мироздания.

Известная локализация предмета художественного изображения, сфокусированного в романе на судьбах казачества, по-своему адекватна задачам создания эпоса *общенационального* масштаба. Здесь феномен

казачества, отнюдь не тождественный российскому «суперэтносу» в целом на пути «от Руси до России», тем не менее, предстает по-своему изоморфным общероссийской модели («пограничность» территориального, этнического, социального и ментального плана, пребывание в эпицентре диалога культур). Более того: выступая своеобразным маркером магистральных социокультурных процессов и ментальных параметров, казачество часто воплощает их в предельно обнаженном и порой гипертрофированном виде, превышающем некую общеусредненную норму.

По-своему явственно это проявляется в национально-историческом дискурсе традиционных культурно-идентификационных кодов и революционных преобразований, где последние инициируют радикальную замену системы ценностных ориентиров — патриотизма, генетического родства людей и родства «по человечеству» — на интернациональное «родство по классу», «революционный гуманизм», «революционную целесообразность» и т.п. Тем самым в текстовой реальности романа можно увидеть отрефлексированное исторической наукой общее проявление «синергетики исторического прогресса» [4], где развитие человечества предстает как постоянные повторяющиеся кризисные вызовы истории, и на которые именно культура призвана давать спасительный адекватный ответ. Поиск таких ответов чрезвычайно актуализировался для всего XX столетия, и российская версия их в «Тихом Доне» закономерно обращает к специфике отечественной литературы как «художественной антропологии» [5].

Здесь «самостоянье человека» (А. С. Пушкин) в апелляции к «родовому» началу (индивидуально-личностному на основе общечеловеческого в специфике национального) по-своему проверяется на прочность воздействием «видовых» факторов (социально-ролевых, сословно-классовых, конкретно-исторических). Центральный герой в своем правдоискательстве проходит испытание-искус различными «правдами» социально и духовно расколотого мира — в системной фокусировке для персонифицирующих такие правды «двойников», которые, в свою очередь, воплощают на индивидуально-личностном уровне бифуркационные «развилки дорог» на жизненном пути. Вместе с тем система образов-персонажей в формах художественно-структурной самоорганизации по-своему полифонична и акцентирует объективные параметры всеобщего *родства* представителей человечества, разъединенных по видовым признакам.

«Русская картина мира» в романе, являя видимые проявления хаотичной деструкции, сохраняет в своих онтологических и аксиологических основаниях константную модель *очной ставки* земного человека с Мiром и Вечностью (в исторических, теологических и космогонических ипостасях), продолжает нести черты отечественной художествен-

ной традиции и идентификационные признаки национальной культуры. По-своему показателен здесь и мотив «правдоискательства» как национального типа личностной самореализации, выступающего «на подвиг братолюбивого общения» в поисках не столько личного, сколько «всемирного счастья» (Ф. М. Достоевский), — а в «Тихом Доне» — той «правды, под крылом которой мог бы посогреться всякий» [6, 158]. Все это создает в романе почву для провидения грядущего «порядка из хаоса» — не только для исторически осуществившегося феномена советской эпохи, но и для широкого спектра перспектив особого российского пути в судьбах мировой культуры и цивилизации.

Открытость финала, определенная «недосказанность» повествования демонстрирует тяготение художественно-структурного романного целого к *диалогу* с тем окружающим миром, для которого явлено авторское слово. И такой диалог, несомненно, состоялся и продолжается — с читателями, интерпретаторами, исследователями и — шире — с культурно-исторической эпохой XX–XXI столетий. При этом идентификация авторского начала является неотъемлемой частью общественно-исторического дискурса, где личностно-творческий феномен писателя предстает порой в парадоксальной неоднозначности. Дискурсионная атмосфера «вокруг Шолохова», периодически обостряясь, чередует в синхронном и диахронном плане моменты неустойчивого равновесия/устойчивого неравновесия с выходами на все новые уровни системной самоорганизации, — по мере ослабления остроты одних и актуализации других «шолоховских вопросов».

Вместе с тем в динамике общественного восприятия роман с течением времени начинает в известной мере дистанцироваться от биографической личности автора-творца (при том, что пресловутая «проблема авторства» играет достаточно второстепенную роль) и начинает жить собственной жизнью, векторы развития которой имеют свою особую направленность. Здесь в первую очередь следует констатировать тенденцию к неуклонному *расширению* поля социально-эстетического функционирования произведения. В этом плане, помимо собственно оценочной рефлексии, следует отметить и процессы *сотворчества*, особым видом которого предстает интенсивная интерпретация литературно-текстовой основы романа иными видами искусства (театр, кинематограф, хореография, музыка, живопись). Тем самым во множественности (и порой неожиданности) творческих решений формируется особый пласт эстетической реальности, где роман интегрирован в универсально-многоаспектное поле *художественной культуры* — как национально, так и мирового масштаба.

Совокупная «энергетика» всех этих составляющих оказывается отнюдь не равна их простой сумме, но в сложном системном единстве как раз и об-

разует особый синергетический эффект, выводящий литературное произведение как феномен культуры на качественно особый — гиперпродуктивный уровень социально-эстетического функционирования. Здесь для всех рассмотренных видов эстетической реальности прослеживается дискретно-нелинейный, но по-своему общий процесс неуклонного наращивания смыслов в феноменах самоорганизации — как один из алгоритмов «жизни в веках» литературной классики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Князева Е. Единая наука о единой природе / Е. Князева, А. Туробов // Новый мир. — 2000. — С. 161–173.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

2. Литературный процесс и судьбы цивилизации XX века / под ред. А. Б. Удодова. — Воронеж: ВГПУ, 2002. — 139 с.

3. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. Том. I. Книга первая. Книга вторая / М. А. Шолохов. — М.: Современник, 1975. — 639 с.

4. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса) / А. П. Назаретян. — М.: Наследие, 1996. — 184 с.

5. Удодов Б. Т. Пушкин: Художественная антропология / Б. Т. Удодов. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. — 304 с.

6. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. Том. II. Книга третья. Книга четвертая / М. А. Шолохов. — М.: Современник, 1975. — 734 с.

Voronesh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department
E-mail: kaf214@yandex.ru